

Валерий Хаагенти

**О ЖИВОТНЫХ,
ЛЮДЯХ И НЕЛЮДЯХ**

16+

Валерий Хаагенти

О ЖИВОТНЫХ, ЛЮДЯХ И НЕЛЮДЯХ

«Автор»

2021

Хаагенти В.

О животных, людях и нелюдях / В. Хаагенти — «Автор», 2021

Эта книга представляет собой авантюрно-ироническое повествование об удивительных животных, которых можно встретить в мире людей и нелюдей. Сборник рассказов, написанных в связи с участием в различных литературных конкурсах.

© Хаагенти В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Отрицательная вероятность	5
Думы окаянные	11
Без людей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Хаагенти

О животных, людях и нелюдях

Отрицательная вероятность

*Конкурс "Боржсч-2024"
Тема "Сёстры по разуму"*

Извиняться за отсутствие, да и оправдываться перед главредом было излишним. Мастодонтыч рвал и метал, постепенно выдыхаясь и снижая накал.

Я молча изучала орнамент залитого весенним дождем окна и старалась абстрагироваться от нудного бубнежа шефа. Подумаешь, трое суток не появлялась в редакции и блокировала звонки, значит, были причины. И в данное время меня занимали совсем иные проблемы, нежели служебная выволочка.

– Прекращайте своевольничать, Анна, вы ведь талантливая журналистка, – донесся до моих ушей замогильный и едва разборчивый голос, словно действительно из-под земли.

Я оживилась. Это я и сама прекрасно знала. Я пропустила, над чем Мастодонтыч распинался последнюю пару минут, и перебила его.

– Есть потрясающий материал.

– Тема?

– Другие издательства просто лопнут от зависти.

– На какую тему, черт подери?!

– Точно не знаю, Матвей Спиридоныч, но мы их порвем, как Тузик грелку.

Мастодонтыч побагровел. Поняв, что эта шуточка уже перебор с редакторским благорасположением, я стала рассказывать.

Собственно, болванка у меня была заготовлена ранее, и когда я изложила суть своего расследования, главред просиял моментально.

– Хорошо, Анна, даже отлично. Не жалейте красок и не стесняйтесь! Когда материал сдадите в печать?

– Мне нужно два дня, – я непроизвольно улыбнулась архаизму редактора и глянула на часы. 14 часов 06 минут 12 секунд, все правильно, отсчет пошел, старт состоялся.

– Заметано! Жду!

«Если соберусь рассказать всю правду, то стесняться будешь ты», – подумала я и, благодарно кивнув Мастодонтычу, покинула кабинет.

Женщина не может не оставить за собой последнее слово в женской ссоре. Так уж они устроены на планете Земля. Что я такого сделала этой милой мадам, чтобы у нее так пригорело?

Позавчера, оставив редакцию, я решила еще раз все детально обдумать в расположенном поблизости парке Сокольники. Людей там к вечеру меньше обычного и меня это вполне устраивало. Размышляя, я неспешно прогуливалась по городскому парку, почти не обращая внимания на случайных прохожих. Внезапно с боковой аллеи мне навстречу вырулила дама с ротвейлером. Я замерла, но это мало что изменило. Ротвейлер явно выбрал жертву, подлетев ко мне весь в собачьих слюнях, разумеется, без поводка и намордника.

«Девочка», – машинально отметила я и, взмахнув сумкой, постаралась ее отогнать. Но не тут-то было. Ротвейлер-девочка мертвой хваткой вцепилась в мою любимую модель «Труссарди».

– Уберите собаку, – попросила я самым ангельским голосом, на который способна.

И тут началось.

– Кто ты такая, чтобы указывать. Я тебя, сука, урою и в полицию сдам, проведешь ночь в обезьяннике на дежурной бутылке.

Я попыталась мягко ей объяснить, что это ее сука вцепилась мне в сумку. Даме мои увещевания индифферентны, продолжает орать базарной бабой, обильно брызгая слюной под стать своему ротвейлеру, а главное, прет на меня танком. Стало ясно, что конфликта не избежать. Линпинг в моем правом запястье быстро заныл, затем стал жгуче и больно покалывать.

Мне захотелось оторвать ей голову и немедленно прижечь раскаленным железом, иначе бы выросло еще три таких. Я осмотрелась. Люди, опять эти люди, свидетелей было много.

Драка? Представила, как прохожие поливают нас газировкой и вызывают полицию. Полицейские вызывают скорую из психушки. Медики вкалывают нам успокоительное, грузят как дрова, и увозят. Не вариант. Рассудив, что ситуация слишком тяжела и безвыходна, я решила прибегнуть к проверенным средствам: разговору о парнях и последним бабским сплетням.

Однако в последний момент увидела, что эта дура тоже лихорадочно трет правую руку, словно ее охватило огнем.

– Планета Бета, Росс 128, созвездие Девы, – представилась я. – В земных координатах, естественно.

– Планета Корна, Лейтен 273, созвездие Малый Пес, – чуть промедлив, ответила дама.

Черты ее лица мгновенно разгладились. Женщина оказалась довольно миловидной и привлекательной. Хотя все мы знаем, что наша наружность всего лишь искусное воплощение человека.

– Вероятность подобной встречи ноль целых, ни хрена десятых, – усмехнулась она. – Тем более на этой планете.

– Ассамбэйр, так меня зовут. Хотя в человеческом облике все зовут меня Анной, – сказала я, стараясь выглядеть безмятежно. – Ты из Великой цивилизации муравьёров?

– Карчфогу, на Земле Светлана Геннадиевна, – чуть хрипловатым голосом произнесла моя собеседница. – Верно. А ты, по всей видимости, из рептилоидных пауков Матриархатии?

Я кивнула. Изумление от неожиданной встречи оставалось еще достаточно сильным.

– Это Спарки, меняющая свой вид и размер мультитаска. Мой биоробот и мои глаза на этой планете в темное время суток, если вдруг мне потребуется обратиться в реальный вид, – дама погладила ротвейлера и огляделась. Людей поблизости уже не было.

– Дименшенлесс, – негромко сказала Карчфогу и собака, стремительно уменьшаясь в размерах, прыгнула даме в руку, а затем спряталась в рукаве ее шикарного пальто «Элевенти».

Я представила гигантскую боевую муравью, разъяренную темнотой, и поежилась. Цивилизация муравьёров – одна из самых древних и одна из самых воинственных цивилизаций. Благо, что между нашей Матриархатией и Муравьерией много сотен лет назад был заключен договор о мире и взаимопомощи, иначе бы дело могло закончиться плохо.

– Вовремя сработала система предупреждения "свой-чужой" в линпингах, – выдохнула я. – Хорошо, что обошлось без неприятных инцидентов.

– Верно, не зря наши ученые придумали задействовать линпинги для всех косморазведчиков на экстренный случай, – ответила Светлана-Карчфогу. – Слушай, не будем мерзнуть, пойдем куда-нибудь поговорим, и заодно отметим такое событие.

Насчет того, чтобы обсудить случайную или совсем неслучайную встречу, я тоже была не против разговора и даже сама намеревалась подобное предложить. Но муравьера меня опередила. Все-таки их цивилизация гораздо древнее нашей. И историй вариантов таких событий у них явно побольше.

Мы, не сговариваясь, заблокировали смартфоны и отправились в ресторан Хьюго на Садовнической набережной. Место спокойное, чтобы поговорить. И интерьер в привычных для наших планет тонах. Несмотря на вечер, людей в зале было немного. Мигом подлетевший официант склонился в служебном полупоклоне. Я взяла тартар из лосося и манго, укутанный в прокапленные заправкой листочки настурции и салат с ростбифом, а также хлебную корзинку. Муравьера, чтобы не отставать, взяла тартар из говядины, приправленный яичной эмульсией в стиле олландез, на картофельной лепешке наан.

– Странно все это. Вероятность встречи двух союзных косморазведчиков на такой третьесортной планете, как Земля, равна нулю. Но, тем не менее, это произошло.

– Тоже задаюсь этим, – ответила Светлана. – Меня и вовсе внезапно отрядили из района боевых действий на Проксима Центавра полгода назад и отправили в Москву с каким-то нелепым заданием.

– А я здесь уже пятый год, подвигаюсь журналистикой, – загоремычила я под второй полновесный бокал португальского портвейна Винтаж. – И задание идиотское – определить, когда на этой землянской планете может начаться ядерная война.

– Нет, ну это просто смешно. Эти мягкотелье гуманоиды Земли, которые только-только выползли из каменного века, уже обзавелись ядерной технологией и теперь страшат друг друга.

– А я сейчас легендирую под полковника ФСБ с полной мимикрией. И моя задача – разобраться с одним сумасшедшим земным ученым, который якобы может остановить поток времени. Бред полный, – сказала Светлана-Карчфогу, чокаясь со мной третьим бокалом.

– Вот что хорошего на этой планете, так это вино! Вот это у землян лучше всего получается.

– Водка и виски тоже нормально заходят, – улыбнулась Светлана. – Жаль, что самцы слабоваты. Чуть шею передавишь и уже холодный.

– В точку, – кивнула я, – посмотри на южан за столиком у стены, крайне неровно дышат, рассматривая четвертый номер в твоём декольте. Аж стены запотели.

Света, не оглядываясь, выбросила в сторону южан средний палец. Чтобы пресечь возмущение на корню, я обернулась к столику парней и на два месяца заморозила им яйца.

– Это было лишним, – заметила моя собеседница и поманила официанта.

На десерт был фондан, кофе и пара коктейлей Секси Блэк. Мы рассчитались. Должна сказать, что хлеб с маслом и песто в этом заведении – просто шедевр! Хотя кого я обманываю, всем известно, что любимым блюдом муравьеров и пауков является слегка обжаренное полусырое мясо.

– Поедем ко мне, – предложила я, когда мы вышли из ресторана. – В моем загородном доме нам никто не помешает вдоволь повеселиться.

– Верно, поехали, Ань, – согласилась муравьера, вовсе не удивившись моему приглашению, – только возьмем еще пару бутылок Порто.

– У меня много всяких алкогольных вкусняшек есть, – пробурчала я, мысленно оправдывая свое заточение на этой планете.

Наутро мы продолжили. Я налегала на портвейн, а Светлана вошла во вкус к составлению умопомрачительных комбинаций виски, водки и рома, иногда полируя их сверху текилой. Всю связь с внешним миром мы отключили, и фоновую передачу данных в линпингах тоже.

Мой дом располагался в элитном подмосковном поселке. Место лесное, тихое и безопасное. На всякий случай я выпустила во двор своих робопавков под видом овчарок, мало ли что, береженого бог бережет. Мы разговаривали, выпивали, и вновь разговаривали. Когда Карчфогу отключалась, моментально оживлялся ее робомуравьер Спарки. Он мнимо безучастно

сидел возле спящей хозяйки, готовый молниеносно убить любого, кто выкажет хоть малейшие признаки агрессии.

– Собираюсь в подвал за вином. Тебе, как обычно, покрепче?

– Да, и возьми сразу побольше. И бокалы не мешало бы покрупнее, – полуутвердительно, полувопросительно откликнулась муравьяра.

– Бокалы за стойкой, – крикнула я ей, спускаясь в подвал.

Когда я вернулась, она уже расположилась у дивана с двумя большими бокалами харрикейн. Я сразу лишила пробок всю гирлянду бутылок и с трудом вползла в стоящее рядом широкое кресло. Молча налили, чокнулись, выпили. Снова налили.

– Совсем не бережешь себя, мать, – я кивнула на ее почти полный бокал.

– Ассамбэйр, я тебя умоляю, – сказала Карчфогу, – мне полгода не с кем было поговорить по душам. С кем общаться-то? С землянами?

– Угораю с этих земных молококормящих гуманоидов, когда они заявляют о человеке, как о высшем творении! – продолжила она. – Тщеславный народец! Сила муравьяра колоссальна, только челюстями он может поднять вес в двести раз превышающий его собственный, а человек руками в состоянии поднять груз не более трехкратного по отношению к своему весу.

– А их полужидкие тела? Мягкие и беззащитные? – поддакнула я. – Просто омерзительны и сразу вызывают чувство брезгливости. То ли дело мой хитиновый или твой бронированный панцирь.

– А глаза с перепонками? И всего два? Два глаза? – продолжила веселиться Карчфогу. – С какой стати два жидких глаза лучше, чем твои восемь или мои четыре фасеточно-кристаллических?

– Люди в высшей степени странные существа, – согласилась я, – они полностью лишены способности к трансформации и мимикрии тел.

Мы понимающе звякнули бокалами. Я опустошила свой любимый Винтаж. А муравьяра залпом приговорила почти полулитровый коктейль из блэджера, абсолюта и доминиканского рома. Реакция не заставила себя долго ждать.

– И эти люди называют себя венцом эволюции! – захохотала она и стала громыхать по полу своими конечностями. Ее мощные двойные жвалы заклацали, а тяжелый экзоскелет от смеха заходил ходуном.

Стены моей усадьбы-крепости, построенной по особому проекту и рассчитанной на защиту от ядерного удара, затряслись не на шутку.

– Осторожнее, хату развалишь, – проворчала я, но не выдержала и тоже расхохоталась.

Второй день кутежа стал явным продолжением первого. Алкоголя в моих подвалах было предостаточно и веселье продолжилось. С той разницей, что Светлана стала чаще отключаться. Все-таки спиртное на муравьеров действует сильнее, чем на рептилоидных пауков, а тем более на людей. Мы выпивали в своем естественном обличье. Несмотря на то, что я в размерах не уступала Карчфогу, ее бронированный экзоскелет говорил сам за себя. В битве один на один мне с ней не справиться.

«С другой стороны она также опасается прикосновений моих парализующих жвал и ногощупалец», – подумала я и мило ей улыбнулась.

– Классно, что мы с тобой подружились, – сказала она, вновь намешивая свой адский коктейль.

– Мне тоже очень приятно.

Я притянула передними ногощупальцами непечатую бутылку портвейна и со звонким чпоком ловко вытащила пробку присоской. Светлана одобрительно кивнула.

– За нашу дружбу и наши успехи! До дна! – тостанула я. Мы чокнулись и вновь опустошили бокалы.

– Все-таки странно, что мы встретились в Москве, – произнесла муравьера.

– Для меня в этом ничего особо странного нет. Я ведь журналист, а русский язык на этой планете самый удобный и самый богатый для реализации мыслеформ. Мне нравится, поэтому и работаю в Москве.

– А что за ученый у тебя в разработке, если не секрет? – продолжила я, – можешь не отвечать, спросила, чисто чтобы разговор поддержать.

– Нет никакого секрета, зато есть в Москве один сумасшедший, который утверждает, что нейтрино способен преодолеть границу пространства и времени.

– И все?

– Ань, он еще утверждает, что разработал теорию остановки нейтрино. А значит и остановки времени.

– Теория без практики мертва, – зевнула я, – не помню чьи слова.

– Верно, – пробормотала моя собутельница и вновь отключилась.

– Ладно, отдыхай, а я пока что-нибудь приготовлю.

Спарки немедля вырос возле хозяйки.

«Тем лучше, подождем пять минут. Верно – твое любимое слово, но веры тебе нет никакой, потому что вероятность нашей встречи – величина отрицательная», – размышляла я, поглядывая на Карчфогу-Светлану. Ее тяжелая туша безмятежно завалилась на бок, вытянувшись во всю длину на полу гостиной. Робот-убийца Спарки продолжал недвижимо сидеть рядом, готовый к атаке при малейшей угрозе. Его цепкие глаза, не мигая, пристально следили за моими перемещениями. Я медленно сползла с кресла на пол и замерла.

– Дименшенлесс, – совершенно не двигая жвалами, прошептала я робомуравьеру голосом Карчфогу, предварительно заморозив его взглядом на доли секунды. Биоробот дернулся, чуть помедлил, но все же стал стремительно уменьшаться, а затем спрятался в броневидах листьев подбрюшья своей хозяйки. Убийство представителя цивилизации муравьеров по законам Матриархии подлежало жестокому наказанию. Поэтому ее смерть вовсе не входила в мои планы. И к тому же она мне нравилась. Мне просто было необходимо надежно ее нейтрализовать. Я по миллиметру стала вытягивать в сторону Карчфогу самое длинное свое ногощупальце. Мгновенный рывок. Есть! Я уколола ее в самое уязвимое место, в незащищенную броней шестую пятку. Она ничего не почувствовала. Биоробот тоже не выполз. Я перевела дух. Теперь подруга сутки проспит, а когда проснется, ей уже будет поздно пытаться что-либо предпринимать.

Я начала быстро трансформироваться в человеческое обличье. Спустя пару минут я вновь стала внешне разбитной и обаятельной журналисткой Анной Мионовой.

Мне требовалось продержаться двое суток с того момента, как я покинула кабинет редактора. Через сорок восемь часов корабли шестого флота нашей Армады должны выйти на орбиту Земли и все будет кончено. Естественно, я слукавила перед подругой с признанием о своем задании. Изучение возможности начала ядерной войны между землянами было всего лишь легендой. На самом деле Штаб Матриархии решил установить полный контроль над древним Порталом Пилигримов Вселенских, который мои робопауки после долгих лет поисков обнаружили во льдах Антарктиды неделю назад. И это был рабочий Портал, четвертый из найденных артефактов этой древнейшей мегацивилизации во всех обитаемых звездных мирах.

«Все-таки быстро сработала разведка муравьеров, – уважительно подумала я, глядя на спящую Карчфогу. – И как они только узнали, что на Земле намечается грандиозная заваруха».

Двухсуточное выжидание заканчивалось. Однако какое-то гнетущее ощущение не оставляло меня в покое. Я вновь и вновь хладнокровно перебирала в уме свои действия. Ошибок быть не могло, но беспокойство не отпусало. Я оделась и вышла во двор. Первые гигантские

корабли Армады уже без обычной маскировки невидимости один за другим зависали на земном небосклоне. Я умиротворенно выдохнула-вдохнула. Но гнетущее ощущение не проходило. И тут меня как молнией бахнуло.

«Черт! Опять забыла сдать материал Мастодонтычу!»

Думы окаянные

Конкурс "Новый Год 2024"

Тема "Новый год не по сценарию"

1. Окаянная быль

Намело в лесу изрядно. Метровые сугробы плавно перетекали в заструги вдоль обочины. Спускаясь в балку, Панкратов стал предельно осторожно вести внедорожник по еле различной лесной дороге. Жесткий наст проламывался под колесами, но колдобины разбитой дороги просто затягивали машину в снежный омут. Пару раз удалось выбраться с немалым трудом. Наконец автомобиль плотно увяз в колее. Водитель малость подождал, затем резко вдавил педаль газа до пола. Внедорожник взревел и, пулей вылетев из снежного плена на пригорок, аккуратно в уста поцеловался с ближайшим дубом. После чего откатился назад и заглох.

– Бдядь! Гребанная старая резина, – выругался Панкратов.

До охотничьей избушки, где его поджидали приятели, оставалось еще километров двадцать. От города он отмахал столько же.

«А ведь это кабздец», – подумал он, наблюдая как вековой дуб отряхнулся от поцелуя мелким снегопадом с вкраплениями скрученных листьев. Спустя минуту он попробовал завести двигатель. Еще раз. И еще. Движок признаков жизни не подавал.

Панкратов выбрался из машины, достал рюкзак и походной лопаткой стал расчищать снежный завал у капота. За спиной раздалось тяжелое сопение и урчание. Он похолодел от ужаса и обернулся.

– Еханный бабай! – само собой вырвалось из горла спонтанно и удрученно.

– Не бабай, а Потап Потапыч, – ответил медведь.

– Не шатун, не колдун, не плясун, а Потапыч, – добавил он. – Ружьишко где?

Панкратов, облизывая пересохшие губы, кивнул в сторону багажника.

– Не ссы, – сказал медведь, – как обед ты мне сейчас малоинтересен.

И быстро проследовав к машине, Потапыч открыл багажник и достал оружие.

– Ого, «Beretta Gold Sable», – уважительно хмыкнул медведь и ловко завязал ствол штуцера в узел.

– Было ружье, а стало ружо.

Панкратов молча смотрел, как его дорогуший штуцер превратился в экспонат для музея приколов. И также молчаливо понемногу отступал от медведя, прихватив рюкзак и лопатку.

«Нефуясе съездил за рябчиками и кабанчиком к новогоднему столу», – кружилась вальсом мысль у него в голове.

– Не боись, – повторил Потапыч, – страх вкус мяса портит. Я тебя есть не стану. Опосля под праздничный салют съем.

Мысль Панкратова, прекратив хоровод, растворилась в пятках. Он развернулся и обреченно осмотрел лес. Опять густо посыпал снег. Из-за дальних деревьев выглянул волк, следом второй. Бежать было некуда. И Панкратов рванул к автомобилю.

Внедорожника не было! Даже за плотной пеленой падающего снега он должен быть. Но его не было! Зато у поцелованного дуба завиднелось дупло. И не просто дупло, а дуплище. Панкратов, придерживая рюкзак, прыгнул в дупло и очутился по пояс в воде!

Оглянулся. В глаза больно ударили солнечные лучи. От причала отваливал катер. Почти безлюдный песчаный берег косой вдавался в море. Волны лениво накатывали друг на друга. Несмотря на финальный день года, солнце припекало достаточно сильно.

«Абхазия, Очамчира», – машинально отметил Панкратов и от неожиданности сел в море по плечи. Брезентовый рюкзак вмиг наполнился водой. В плечо ткнулся дельфин афалина, высунул голову из воды и пробурчал:

– Ты чего тут свою жопу морозишь! Двигай отсюда, суши чресла! Не мешай гонять скумбрию на мелководье.

Панкратов покорно кивнул. Добравшись до берега, он вывернул рюкзак, собираясь просушить вещи. Однако все оказалось совершенно сухим, даже дневники Льва Толстого. Мокрым в охотничьей фляжке был лишь «Макаллан». Одежда тоже оказалась абсолютно сухой. Панкратов, сбрасывая куртку, еще раз огляделся по сторонам, опасности не было. Тогда он свинтил крышечку и осушил полфляжки виски практически залпом. После чего сел на песок и задумался.

«Что происходит? Я сплю? – он больно ущипнул себя. Синяк появился, но других изменений не случилось.

– Значит, я просто сошел с ума.

Похоже, этот вердикт являлся самым вероятным событием, а все невероятное происходящее красочными галлюцинациями. Причем как слуховыми, так и зрительными. И даже тактильными! Потому что на носу у него примостилась огромная слепуха и принялась высасывать кровь. Боль от укуса стала нестерпимой, жало просто буравило мозг. Наконец самка слепня насытилась и промолвила:

– Пора вставать. Новый год на носу!

– Вставай, горе мое! Новый год проспишь!

Когда супруге удалось растолкать Панкратова, часы пробили одиннадцать.

– Да, встаю уже, – забормотал он, пытаясь избавиться от морока сна.

«Эко меня растащило в теплой избе с устатку и мороза. Это был всего-навсего сон», – подумал он не без радости.

Панкратов сел на диване, ощупал нос и затряс головой, стараясь окончательно стряхнуть наваждение.

– Ты не поверишь, какая чертовщина мне снилась!

– Да? Набрался с друзьями до праздника, – парировала жена. – Хорошо, что домой доставили.

– Кто?! Медведь с афалиной?

Супруга присела на стул, ее глаза наполнились печалью и влагой.

– Значит, Афалина, – сказала она, совладав с лицом. – Ладно, дам на новые колеса, хоть пропади на этой охоте.

– Скоро гости нагрянут. Займись собой и не забудь это выбросить, – добавила жена, указывая на завязанный узлом штуцер.

За окном послышалось чье-то сопение...

2. Окаянная правда

Новогоднее веселье было в самом разгаре, когда Панкратова, отставного капитана дальнего плавания, угораздило повстречаться с ведьмой.

В прекрасном расположении духа он покинул избу, полагая удивить компанию гостей. На морозном дворе было темно. Направляясь в расположенный неподалеку сарайчик за при-

прятанным от жены штуцером, изрядно хмельной Панкратов загадочно улыбался. Да, удивит же он всех, только... где это он очутился?

Пришлось поискать в небе знакомые созвездия. Ага, вот они, все на месте. Огляделся. Странно, каким образом он вдруг оказался на окраине поселка, почти в лесу? Спиртное побыстрому улетучивалось из головы. Потому что путь ему преградил давний знакомец.

– Потапыч! Не гневи небеса в ночь Нового года!

– Не бойсь, старина! Пошутил давеча я, – ответил медведь, – А ты струхнул и исчез. Куда тогда делся-то?

Панкратов пожал плечами.

– Ладно, не хочешь болтать – не говори. Я вот машину пригнал, недалеко от твоего дома оставил. Салют глянул, пожалуй, пойду, – медведь махнул лапой и шустро затопал в лес.

– С Новым Годом! Не трухай боле! – рыкнул Потапыч с опушки.

– Спасибо! И тебя с праздником! – крикнул Панкратов. И тихо добавил:

– Заходи, если что.

Он заторопился к своей избе. С наступлением темноты, даже в Новый год, жители лесного поселения запирали двери и укрывались в своих дворах. На улицу доносились звуки хлопков, громкие возгласы, взрывы смеха, музыка, пение – но все это происходило за крепкими заборами особняков.

Невысокая девичья фигурка бесшумно поравнялась рядом с Панкратовым. Девочке, облаченной в куртку с капюшоном и высокие облегающие сапожки, было лет пятнадцать или чуть больше. Ее губы скрывал горностаевый шарф. Ранее в поселке старик ее не встречал.

Дорога столкнулась с переулком, уходящим влево. Прежде чем свернуть к дому, он решил спросить:

– Привет! Почему ты одна? Приехала в гости и заблудилась?

Раздался негромкий, но пронзительный свист. Звук словно иголками щекотал перепонки. Два деревца у дороги вздрогнули и сбросили с ветвей снег. Тьма стала отступать, удивляясь столь раннему рассвету наступившего года. Свист стих.

Панкратов остановился и постарался рассмотреть девчонку. Она также пристально разглядывала его своими серо-голубыми глазами.

«Очень необычная бродяжка», – подметил он. И не ошибся, но ему еще предстояло узнать, насколько она необыкновенная.

– Дитя, в этом захолустье не следует бродить одной! Даже в новогоднюю ночь.

– Я не ребенок, меня зовут Эра – возразила девочка с раздражением. – В этом году совершеннолетие буду справлять.

– Почему сердисься? Что-то случилось?

– Живот разболелся от земной пищи! Впрочем, к делу! Вы ведь Панкратов, верно? Мне велено за вами присматривать.

– Верно. Кем поручено? Зачем? Извольте, так шутить? – он изумленно глянул на девушку.

Она еще сильнее нахмурилась, из-под капюшона выбилась прядь рыжих волос. Но все же ответила:

– Могу вас куда угодно переместить и мои слова не шутка.

– Святой Панкратий! – вздохнул старик, – а можно оставить меня в покое?

– Нельзя, вы живая флуктуация, сбой в колдовской матрице.

– Это как в байке Стругацких?

– Хуже, намного хуже. Вы разрушаете константную основу мира магии. Более того, многое колдовское тянется за вами в ваш бранный человеческий мирок.

- Я ничего подобного не предпринимал и не собираюсь делать!
- Меня предупреждали, что вы правду не скажете.
- Не знаю я никакой правды!
- У меня четкие указания. Если будете юлить, то мне приказано вас изолировать.

Подступающего рассвета в поле зрения более не наблюдалось. В черноте неба мерцали звезды Южного полушария.

Они очутились на палубе корабля. Ведьмочка стояла рядом, отблески судовых огней играли на их лицах.

- Мы в Атлантическом океане в двухстах милях от Африки, – сказала Эра.
- Ясно... опять кабздец, – подавленно протянул Панкратов.

Судно ошутимо качало.

- Он вздорный старикашка! Он нагло врет! – послышался голос.
- Совсем не старый! – мягко произнес тот же голос. – И даже приятный.

Панкратов поначалу хотел негодуя возразить, потом осекся, поняв, что слышит мысли девушки! Ее явно терзали сомнения по поводу его личности.

- Очень прошу, верните меня обратно. Клянусь, я попробую во всем разобраться.
- Нет!!!

В порыве злости он схватил ведьму за куртку. Зазвучал тонкий свист. Коленные суставы Панкратова словно взорвались. Застонав от боли, он грохнулся навзничь, увлекая за собой Эру. Она упала на него сверху. Ее шея по-звериному выгнулась, а зубы почти вонзились старику в горло.

У горностаев мертвая хватка...

Внезапно она отстранилась от него, взглянула полухмуро-полусмешливо ему в глаза, встала и, соскользнув с крыльца, растаяла в воздухе.

Панкратов осознал, что переместился домой и что ноги в порядке. Но вопросы остались. Просто взяла и исчезла? Этот странный взгляд?! Что же ему показалось в ее взгляде...

Было еще очень рано. Меж темных деревьев седыми космами клубился туман. Высоко в кронах чуть слышно шумел ветерок.

Где-то вдалеке печально и нежно заиграла свирель.

- Прощай, ведьма. Свисти, если вновь заболит живот. Я помогу с лекарством.

3. Окаянная любовь

Обстучав на крыльце с обуви снег, Панкратов поднялся в свой бревенчатый дом. Его сразу охватило странное ощущение безвременья. И вовсе не от чувства сожаления о безвозвратно ушедших минутах полуночи с боем курантов. Другое. Неуловимо изменилась атмосфера праздника. Это было бы неудивительным после веселых часов новогодних гуляний, если бы в воздухе не витало нечто неизъяснимое.

Гости семьи Панкратовых – художник Басов с супругой Жанной, маститый прозаик Пашин с поэтом Мериным, критик Блинский с невестой Тамарой – продолжали изрядно шуметь и веселиться. Но нарочитость их поведения Панкратову показалась недоброй. Ему стало тревожно.

«Это паранойя, – подумал он. – Надобно выпить».

Тем более что за столом пили, дурачились, избирательно закусывали и несли самую дикую ересь, над которой громко смеялись. Свет был притушен, трапезничали при свечах.

- О, пропащий явился, – оживился Басов.

– Не запылится, – усмехнулся Панкратов, намереваясь присоединиться к застолью.

Из столовой вышла его благоверная, держа овальное блюдо с жареным золотистым кабанчиком. При виде одного тотчас раздались одобрительные возгласы и хлопки.

– Где пропал, скиталец? – спросила Люба с обворожительной улыбкой, совсем не предвещавшей рая.

– С медведем братался, родная, – отшутился Панкратов на ее вопрос, в котором ему послышалось слово «скотина».

– После поговорим.

За окном посыпал крупными хлопьями снег, обещая красивую и долгую зиму.

Меж тем пьяный Мерин настойчиво пытался всучить Пашину солидный бокал, наполненный адской смесью спиртного.

– Отведайте, милая муза Жанна!

Он угощал своим пойлом столь сердечно, что мастер прозы пребывал в немалом смятении. Тамара с Жанной залиvisto хохотали.

– Какая я тебе Жанна? – обиженно восклицал Пашин, отпихиваясь от поэта.

Однако того было не вразумить, тем более остановить. Не дождавшись взаимности, он лихо осушил бокал. И выпал из действительности, уронив голову в плен алкогольного сна. Прозаик не преминул покуражиться над заснувшим приятелем, увещевая поэта витиеватым слогом гораздо более обидным, чем обценная лексика.

Жанна едва сдерживала смех. Тома решила пояснить:

– Не удивляйтесь, Любаша, вы люди новые в нашем поселке творческой интеллигенции, а они всегда чудят, когда напьются.

– У члена СП Пашина – задница расквашена! – подтвердил ее слова Мерин, излившись рифмой в бессознательном состоянии.

Панкратов хлопнул рюмку настойки. Басов придвинулся и зашептал:

– Где был-то? Мы уже и песни попели и сплясали.

– Пришлось поплутать.

Невзирая на шумиху, Люба с интересом следила за их беседой.

– Поговорим о любви! – прервал все разговоры Пашин.

– О моральном облике наших членов! Употребив, многие пытаются вступить с Музой в плотскую связь, чем обрекают свою бессмертную душу на страшные муки.

– Что за пургу ты несешь? – занедоумевал Блинский.

В ответ писатель, театрально взмахивая руками, повел разговор от любви платонической к влечению плоти, а от естественной физиологии свернул к обсуждению патологий.

«Завел шарманку», – подумал Панкратов, слушая вычурный тост.

Прозаик еще долго и горячо клеймил извращенцев, не забывая указывать пальцем конкретно на Мерина.

Часы пробили смутное время. Незыяснимому, наконец, надоело витать и оно забесновалось. Каминная труба разродилась нечеловечьим воем. Кабанчик хрюкнул, зашевелился и перевернулся на другой бок.

– Желаете хорошенько повеселиться? – прозвучал за спиной Панкратова вкрадчивый голос. Он обернулся, никого.

Стены дома начали пульсировать в такт сердцебиению, свечи заблистали переливчатым ореолом, разом все замолчали. Лица и фигуры гостей стали меняться. Носы вытянулись, рты раздвинулись до ушей, обнажая ряды острых зубов. Руки и ноги также преобразались, у иных

далеко не в плане человеческой анатомии. Пашин превратился в бобового короля, угнездившись на грандиозных размеров жопе.

«Мерин прав», – машинально отметил Панкратов.

Жанна и Тамара обратились в ослепительно красивых гетер, источавших своими телами угодливость, похоть и алчность. Блинский с козлиным лицом, копытами и рогами, истекая слюной, увивался поблизости. Закопошился Мерин, выглядевший теперь не худошавым поэтом, а извяленным солнцем трупом. Панкратов даже не удивился происходящему, подсознательно ожидая подобного. Он поискал глазами жену. И увидел.

У камина в глубоком кресле обустроилась рыжая ведьмочка, пристально за ним наблюдая. В ее глазах плясали смешливые искорки.

«Вот что таил ее взгляд, – пронеслась мысль. – Старый дурак!»

– Ты режиссер всего этого шабаша? – обескураженно произнес Панкратов. – И как понимать...

– Ты о возрасте? В мире ведьм совершеннолетием считается полвека земной жизни. А в год юбилея нам разрешается сбросить маски и немного побезобразничать.

Супруга, взмахнув рукой, вернула всех в прежнее состояние.

– Чертовка!

– Ничуть, обычная баба.

Лицо жены чудным образом засияло. Она подошла и, обняв мужа, поцеловала его в седую макушку.

– Получается последнюю четверть века я жил с?..

– Считай, тебе достался счастливый билет.

За окном рассветало. Падал малиновый снег.

– Ааа!!!

* * *

Без людей

Конкурс "Рваная Грелка-2024"

Тема "Нечеловеческий мир"

В полумраке надвигавшейся ночи ветер натужно тащил к горизонту части разорванной тучи, тщетно пытаясь срастить разрозненные лоскуты увядшей грозы. Ключья облачной пелены, покидая небесную твердь, неспешно обнажали сумрачный свод, пронзаемый ярко мерцавшими звездами. И темная южная ночь, влажная и липкая, как медузы в теплой воде, медленно расплзалась над охрипшим морем, которое еще продолжало бурлить затихавшим и злобным штормом. Чайки, осмелевшие по окончании бури, хаотично закружили вдоль кромки прибоя, высматривая возможную добычу, которой шторм обыкновенно каждый раз наполнял берег. А над растревоженной поверхностью моря сверкающим диском всплыла вторая луна, чей отсвет причудливыми тенями заплясал на валунах и горах камней, навороченных непогодой.

«Почему камни на морском дне или в пустыне, разбросанные на большом расстоянии, начинают тянуться друг к другу? Даже после отборной ругани между собой? – размышлял Енот, лениво наблюдая за чайками. – А камни с морского дна еще и на берег непременно стараются выбраться? Шторм якобы их накидал. На самом деле он лишь помогает подводным камням увидеть небо и совсем другой мир. Опять-таки далеко не всегда».

Размышления Енота прервало громкое и возбужденное карканье. Совершенно не обращая внимания на беснующихся чаек, над берегом появилась громадная черная птица. В пляшущих бликах света второй луны она казалась гигантской. Птица совершила полукруг над Енотом и села у воды подле тушки крохотного дельфиненка. Чайки, копошившиеся у трупа, мгновенно взлетели и стали с безопасного расстояния осыпать птицу своими трусливо-завистливыми проклятиями. Птица окинула Енота равнодушным взглядом, затем аккуратно и не спеша стала разрывать тушку.

– Так это ворона. Никогда не видел такой здоровенной, – озадаченно произнес Енот. – Видимо, от радиации разнесло, недаром чайки ее боятся.

Птица на мгновение отвлеклась на его слова и вновь принялась за свою неторопливую трапезу. Енот спохватился, что невольно озвучил вслух свои мысли. И что птица его слышала. Впрочем, это мало что изменило. Это и в самом деле была ворона.

Ворона подлетела и села на виселице. Она была старой. Вернее они обе были старыми – и Ворона, и виселица. И обе многое повидали на своем долгом веку. Ворона время от времени прилетала сюда. Хотя уже давно здесь никого не вешали, а потом людей не стало и вовсе, старая привычка птицу не отпускала. Постучав хвостом по массивной дубовой перекладине, она заглянула вниз.

– Опять никого, – Ворона вздохнула и сжала перья на холодном предрассветном ветру. Затем, переместившись на край виселицы, она замерла. «А ведь были времена», – подумалось ей. И приятные воспоминания прошлого окутали ее мозг.

Виселица ранее стояла на площади напротив городской ратуши. И виселица была праздником. Единственным праздником для жителей города. После череды эпидемий, катаклизмов, масштабных отключений электроэнергии выжившим на планете людям пришлось несладко. При небывалом разгуле преступности и отсутствии электричества жизнь уцелевших горожан быстро свернула в суровое феодальное русло; вот тогда они и построили виселицу, припомнив опыт средневековья. Дни казней стали излюбленным развлечением публики. Полдень в

рыночные дни считался самым подходящим временем для экзекуций, поскольку был удобен подавляющему большинству жителей. Заслышав крики глашатаев, фанфары труб и бой барабанов, горожане радостными ручейками неукоснительно дружно спешили к ратуше, стараясь занять места поближе к висельному помосту. Прибыв на площадь, матери поднимали крохотных малолеток повыше, а детишек постарше отцы сажали на плечи, чтобы те смогли лицезреть происходящее в мельчайших подробностях.

Ворона вспомнила, что тело повешенного преступника оставалось на виселице по многу месяцев, до полного разложения. Это было, пожалуй, самое лучшее время на ее вороньем веку. Птица одобрительно каркнула, поплотнее сжала перья и вновь предалась сладким воспоминаниям. Казни особо именитых преступников свершались в религиозные праздники при стечении изрядного количества зрителей, которые ликовали и улюлюкали при виде мучений приговоренных. А если казнь свершалась на основании обвинений в ереси или измене общине, то у казненного после повешения вспарывали живот и выпускали внутренности, даже если жертва была еще жива и находилась в сознании. Затем части тела оставляли на виселице или размещали на перекрестках дорог, чтобы их всегда могли лицезреть друзья или родственники казненного.

«Наивные, они посчитали, что с появлением второй луны апокалипсис уже свершился. Но через несколько лет на планете разразилась еще одна эпидемия, на этот раз полностью фатальная для людей», – подумала птица.

Лучи покрывшего горизонт солнца полоснули по виселице. Ворона прервала поток воспоминаний и осмотрела окрестности. Ратушу, да и весь этот город, последняя мировая давно превратила в руины и щебень. Но виселица, как ни странно, уцелела и продолжала существовать, хоть и впустую.

– Жаль, – сказала Ворона, – очень жаль, что теперь вместо города безжизненная пустыня.

«Холодно здесь и радиация сильная, пожалуй, лучше вернуться обратно на побережье», – решила Ворона. От размышлений ее отвлекла яркая бабочка. Поначалу она беззаботно порхала у виселицы, затем тоже примостилась на перекладину.

– Рановато для бабочек, – удивилась Ворона, – хотя уже конец весны, да и мир меняется сейчас необычно. Она продолжила наблюдать за бабочкой. Отметила ее потрепанный вид.

– Репейница, – определила Ворона, – с юга прилетела и проделала долгий путь. Птица задумалась.

«Почему безмозглые бабочки мигрируют и безошибочно ориентируются в полете, преодолевая гигантские расстояния? И не сбиваются с пути даже в ненастье?»

Не в силах найти ответ, Ворона досадливо каркнула и попыталась пальцами размазать репейницу по перекладине. Но та, мгновенно вспорхнув, ловко увернулась от гибели. Ворона проводила ее взглядом, не собираясь тратить силы на насекомое. В конце концов, это была всего лишь бабочка.

Бабочка, цепляясь ножками за края разорванной оболочки, с трудом выбралась из треснувшего пополам кокона. Солнце уже нещадно поливало кроны деревьев, но у земли в болотистой низине было по-прежнему прохладно и сумрачно. Бабочка переползла выше и осмотрелась. Поросшие мхом стволы деревьев в лесу были усеяны десятками тысяч еще не раскрывшихся куколок.

– Так, значит, я первая, – обрадовалась Бабочка и прокашлялась.

Статус перворожденной являлся почетной обязанностью, наделял немалой властью, но предполагал и высокую ответственность за остальных особей стаи. Однако Бабочка ошибалась. Первой по рождению она не являлась.

Бабочка пошевелила щупиками, расправила крылья и развела усики. Все было в порядке, но слабость, возникшая при имагоформировании, давала о себе знать. Есть она не хотела, в ее организме вполне хватало питательных веществ, накопленных еще в стадии гусеницы.

– Нужно время, чтобы крылья расправились полностью, отвердели и приобрели окончательную окраску, – пробормотала Бабочка, не удивившись, откуда она это знает. При имагоформировании в куколке у нее было достаточно времени все обдумать.

– А еще нужно больше разговаривать, чтобы хитиновый покров груди укрепить. И пусть другие недоумевают – почему безмозглые бабочки ведут себя так уверенно? Элементарных вещей понять не могут. Не осознают того, что жизненный цикл бабочек включает четыре фазы развития, – продолжала бормотать Бабочка.

Она вновь осмотрела деревья. Многие зеленовато-коричневые оболочки куколок на глазах становились маслянисто-прозрачными.

– Сегодня, завтра повылупляются, – уверенно заключила Бабочка и стала передвигаться вверх по стволу.

Добравшись до солнечного пятна, она замерла и еще раз внимательно осмотрела лес своими фасеточными глазами. Заметив на соседнем дереве дикого голубя, сложила крылья.

– Этого еще не хватало, – проговорила она, продолжая наблюдать за голубем. Вяхирь неспешно перелетал с одного дерева на другое.

– Совсем старый и, похоже, незрячий, – поначалу с сомнением произнесла Бабочка. – Да, точно, почти слепой.

«Почему он так уверенно летает? И как могут ориентироваться в полете слепые голуби? Доподлинно известно, что слепые птицы семейства голубиных никогда не сбиваются с пути».

Не найдя ответа, Бабочка разочарованно пожала крыльями и перестала обращать на птицу внимание. Ей предстояло много дел и забот, и она не собиралась тратить свое драгоценное время на какого-то голубя.

Голубь никак не мог привыкнуть к мысли, что людей больше нет. Он вновь прилетел на любимую лоджию, сел на парапет полуразрушенного балкона и осмотрелся. Раньше на этой лоджии его постоянно прикармливали две старушки. Они от души насыпали ему вкуснейших хлебных крошек, полутварных зерен пшеницы, кукурузы и ячменя. Голубю так нравилось подобное обхождение, что он даже не стал сообщать об этой чудесной дармовщине своим постоянно ненасытным сородичам. Не стал сообщать, несмотря на то, что в голубином сообществе такое поведение подвергалось жестокой обструкции. А теперь людей нет. Он не знал, что стало причиной гибели человечества. То ли последствия скоротечной ядерной войны, то ли появление второй луны, то ли внезапная масштабная мутация флоры и фауны на планете, то ли беспощадный смертельный вирус, с которым люди не смогли справиться. Знать этого голубь не хотел, да и незачем, все одно – уже ничего изменить нельзя. Он просто хотел есть, но добывать еду теперь стало гораздо сложнее, хотя этот приморский город остался далеко в стороне от ядерных ударов.

– Наконец-то, – саркастически проворковал Голубь, заметив с лоджии мышь-полевку, которая неподалеку в парке лушила семена мутировавших растений.

Голубь заложил круг и тщательно прицелился, собираясь испугать мышь и самолично полакомиться семенами. Но в последний момент, увидев планирующую к нему исполинскую ворону, он резко свернул в сторону. Спешно приземлившись аккуратно возле муравьиной дорожки, Голубь спрятался в высокой траве. Затем осторожно выглянув вверх, он увидел удаляющуюся ворону.

– Вот сволочь, обед испортила, – ругнулся Голубь и со злости склевал пробежавшего муравья. Тот оказался довольно кислым. Голубь выплюнул кислотину и, заинтересовавшись мура-

выиной активностью, продвинулся дальше. Муравьиная дорожка быстро заполнялась тысячами насекомых. Они целеустремленно направлялись к комку паутины, в плену которой оказались десятки других муравьев. Насекомые пытались распутать и разорвать паутину, но сил муравьиной армии явно не доставало. И многие муравьи, вновь запутавшись в паучьей ловушке, замирали обреченно без сил.

«Почему муравьи стараются спасти своих сородичей из паутины, рискуя собственной жизнью? – спросил себя Голубь. – Или же безуспешно пытаются откопать других муравьев, попавших в земляную ловушку?»

Досадуя, что не может найти объяснение, Голубь встряхнул свое рыжеватое оперение, и решил склевать еще одного муравья.

Муравей был особенным, чем очень гордился. Ни солдатом, ни рабочим, ни фуражиром, ни тем более рабом, – он был романтиком, поэтом и сибаритом.

– Таких как я – единицы на миллион, – блаженно размышлял вслух Муравей, тихонько почесывая стерниты брюшка, стараясь избежать случайной феромонной и звуковой связи с сородичами. Ему было глубоко плевать на обязательность существующих в муравьиной семье инстинктов и принципов, таких как разделение труда, постоянную связь между особями и непрременную взаимопомощь. Причем эта уникальная особенность муравья-сибарита вовсе не мешала ему иметь традиционно естественные симбиотические связи с рядом абсолютно других видов, таких как растения, грибы и чужеродные насекомые.

Вот и сейчас, наблюдая за суматохой на муравьиной тропе и жирным придурковатым голубем, он от греха подальше забрался на вершину куста, а затем перелез на ствол растущей рядом лапины.

– Воюйте, братья, воюйте. Но только, чур, меня не призывать, – тихонько прострекотал поэт-романтик и отправился вверх по дереву в поисках сладкой пади цикадок в листве. Заметив дупло, Муравей замер и притаился, стараясь рассмотреть владельца. Однако тот не показывался, хотя дупло выглядело явно и давно обжитым. Муравей стал осторожно подниматься, огибая ствол по спирали.

Лапина в старом, убитым временем, парке росла обособленно, если не считать молодых кустов золотистого рододендрона, которые ей почтительно кланялись.

«Почему деревья и кустарники обязательно начинают тянуться друг к другу, а порой частенько и к растениям совершенно другого класса? Даже если их семена оказались случайным образом заброшены в почву поодаль и проросли?»

Не дождавшись ответа по линии симбиотической связи, Муравей стал заботливо чистить свои тонкие усики, а затем принялся за хитиновую оболочку. Когда с оздоровительным туалетом было почти покончено, муравьиный романтик заметил появившиеся на краю дупла пальцы енота.

Енот страдал бессонницей. Несмотря на старость, он, как и положено енотам, продолжал вести хулиганский сумеречно-ночной образ жизни. Однако стариковская бессонница в разгар дня его донимала. И теперь Енот, устроившись в глубине дупла раскидистой вековой лапины, с кислым видом в полудреме разглядывал близлежащую территорию своими подслеповатыми при солнечном свете глазками. Эту ясенелистную лапину, как извещала полустертая табличка у дерева, сто лет назад якобы посадил некий поэт Пабло Неруда, любезно приглашенный властями канувшей в лету страны отдохнуть на курорте. Лично с поэтом Еноту познакомиться, естественно, не довелось, но за удобное дупло зверек был ему благодарен, по крайней мере, в силу представления этого чувства в понятиях животной эмпатии.

До ушей Енота донеслось чье-то урчание и повизгивание. Любопытство победило полудрему бессонницы. Енот высунулся из дупла, чтобы узнать, кто так урчит. Внизу среди одуванчиков суежилась нутрия. Она тайком обрывала его любимую лагерстремию, да еще во время цветения.

«Надо наказать пока не сбежала», – решил Енот, собираясь быстро выбраться из дупла и спуститься к подножью лапины. Но не успел. Мелькнула тень и громадная ворона, схватив нутрию, моментально расправилась с ней. Затем, разорвав тушку, птица не спеша приступила к трапезе. Енот завистливо облизнулся и невольно сглотнул слюну.

Как и ворона, он тоже очень уважал мясо нутрий. Потому что здесь в этом брошенном на произвол заповеднике водились самые вкусные нутрии на всем морском побережье.

«Да, у этой вороны губа не дура», – подумал Енот, ловя себя на мысли, что насчет птичьих губ скаламбурил сам того не желая. Птица внезапно вскинула голову и пристально взглянула ему прямо в глаза. Енот спокойно выдержал взгляд вороны и продолжил изучающе смотреть на нее. Опасности он не чувствовал.

«Почему сокровенные переживания и мысли одного вдруг начинают притягиваться к мыслям другого? Абсолютно чуждого животного? И даже птицы?» – стал задавать себе вопросы зверек, стараясь отогнать горькие мысли о несостоявшемся пиршестве. Но совсем отвязаться от них оказалось довольно непросто. Енот вздохнул и вновь скрылся в своем дупле, намереваясь дождаться наступления ночи.

* * *

Исполинский космический корабль второй луной медленно вращался на орбите Земли. В центре коммодорской рубки огромная виртуальная панель транслировала съемку с наружных камер искусственного планетоида. С одной стороны экрана пятнистым голубым шаром проплывала новая захваченная колония. С другой не было видно никаких значимых объектов, кроме разноцветных точечных всполохов бесчисленных звезд и холодной черноты космоса. Коммодор Пцтальф неспешно диктовал виртуальному голосовому помощнику очередную докладную в Главный Штаб Галактианской Армады. Командир планетоида расположился на газовой подушке напротив экрана, изредка на него поглядывая, и потягивал освежающий коктейль. После уничтожения последних представителей разумных существ на этой планете можно было не торопиться. Пцтальф голосом обозначил паузу и восьмым щупальцем добавил себе бодрящего напитка. Освежившись, он вывел на экран докладную и перечитал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.